

ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»

*Ах, эх, де
д'Ненгу Киска
на том солон
на мам амие,
миме
Марсель
60*

Этот автопортрет Марсель Марсо нарисовал во время беседы с нашим корреспондентом. Под автопортретом он написал:
«Читателям «Литературной России» от всего сердца и рукой друга. МАРСЕЛЬ МАРСО».

Марсель МАРСО: ГЛАВНОЕ В ИСКУССТВЕ— ЧЕЛОВЕК...

НА ТЕМНОЙ сцене луч прожектора высвечивает желтый круг. Стучит станок, гроыхает бесконечная лента конвейера. В желтом круге лихорадочно дергается человеческая фигура. Изнуряющий темп автоматических движений, навечно заученных телом — живым придатком грохочущей машины. Неожиданно стук конвейера обрывается, и звучит легкий, игривый вальс. И вот уже перед нами легкомысленный гуляка среди ярмарочного веселья, он беззаботно кружится на карусели, стреляет в тире. Но что-то в его движениях заставляет нас насторожиться, хоть мы и смеемся вместе с ним. И оно приходит, это гнетущее «что-то». Музыка обрывает хриплую заводскую сирену. Сейчас снова загрохочет конвейер и снова, словно в клетке, будет метаться возле него человек... А потом будет война, и человек пойдет с винтовкой в руках воевать, и его ранят, а может — убьют, но снова наступит мир, и снова будет ярмарка, и радость, и веселье, и мирный гудок парохода возвестит начало нового дня...

За несколько минут по сцене проходит целая галерея образов, ситуаций и событий, веселых и грустных, комических и трагических, — подлинная «человеческая комедия». И все это время на сцене только один актер — замечательный французский мим Марсель Марсо в пантомиме «Контрасты».

Только что закончились его гастроли в нашей стране. Марсель Марсо прощается с гостеприимными москвичами, пришедшими в Концертный зал имени П. И. Чайковского на его последний концерт. Четырнадцать раз зал аплодисментами вызывает его на сцену. И он снова и снова выходит к зрителям — взволнованный, счастливый и усталый.

— Я уволю с собой ваши улыбки, тепло ваших искренних сердец, — говорит Марсо самым настойчивым из своих почитателей, собравшимся у подъезда Концертного зала. На улице холодно, но он снимает перчатки и терпеливо дает автографы. Уже в машине он начинает свой рассказ:

— Нигде я не встречал такого глубокого интереса к своему искусству, ко мне самому, как актеру и человеку, как здесь, в Советском Союзе. Я выступал в сорока странах, объехал почти весь мир, но нигде у меня не было такого глубокого и прочного контакта со зрителем, как в вашей стране. Это для меня не просто успех. Это высокая оценка. Значит, здесь понимают и любят моих героев, а это для актера очень много. Это говорит и о правильности того пути, по которому он идет...

Путь Марселя Марсо... Он не раз описан, но все же хочется услышать о нем от самого актера. Я спросил

Марсо, почему он выбрал именно искусство пантомимы и как возник его главный герой, полюбившийся зрителям всего мира Бип.

— Пантомиму я выбрал благодаря Чарли Чаплину. В детстве я буквально «заболел» им. Помню, когда мне было лет пять, я уговорил свою мать повести меня на фильм Чаплина. Мы жили тогда в Лилле, куда моя семья переехала из Страсбурга вскоре после моего рождения. Когда мы пришли в кинотеатр, то вместо фильма Чаплина попали на совсем другую картину; я плакал, не хотел уходить, просил показать мне Чарли. Через несколько дней мой старший брат разыскал в городе кинотеатр, где шли фильмы Чаплина, и мы отправились туда, нашли в стене щель, и через нее я впервые увидел «Малыша». С тех пор неизменными персонажами наших игр стали Чарли и его герои. И когда в детском пансионе моей тетки мы организовали театр, то туда вместе с Робин Гудом и Вильгельмом Теллем перекочевал и чаплинский Чарли. Интересна одна деталь: после прихода к власти в Германии фашистов, еще до появления чаплинского «Диктатора», я часто пародировал бесноватого фюрера. А когда я увидел этот фильм Чаплина, то удивился явному сходству своей пародии с чаплинской.

После освобождения Франции от фашистской оккупации Марсель Марсо приезжает в Париж. У него диплом первой степени мастера по росписи эмалей (этому тонкому искусству он учился в годы войны в Лиможе), но душа его тянется к театру. Он бросает роспись и поступает учеником к знаменитому актеру и режиссеру Шарлю Дюллену. Но учеба вскоре оборвалась: Марсо вступил во французскую армию. После демобилизации Марсо возвращается в Париж, и отсюда начинается его профессиональный путь в искусстве.

Это было в 1947 году. После успешного дебюта в пантомиме «Дети райка», где Марсо исполнял роль Арлекина, он собирает вокруг себя маленькую труппу энтузиастов и с ней начинает первое гастрольное турне. Начинаются поиски своего образа.

— Традиция народного искусства Франции подсказывала мне образ Пьеро. Но Пьеро и двадцатый век несовместимы. Я попробовал соединить черты Пьеро и Чарли, и это определенно омолодило традиционный образ. Однако этого было мало. Потребовался новый костюм. Я выбрал белые свободные брюки, не сильно обтягивающие тело. Они дают возможность создавать произвольную четкую линию и не отвлекают внимания зрителей, как обтягивающее трико. Цилиндр — это уже признак социальной принадлежности; он одинаково может принадлежать и трубочисту и бедному поэту, и просто бродяге, ведь мой герой — это маленький простой человек. Теперь ему нужно было придумать имя. А так как в детстве я очень увлекался Диккенсом, то я выбрал имя своего любимого героя Пипа из «Больших ожиданий», видоизменив его на Бипа. Так появился Бип: Пьеро, Чарли Чаплин и я сам.

Бипу нужен был свой репертуар. Я придумал для него несколько коротких мимических сценок, которые и теперь неизменно входят в программу моих выступлений. Это, так сказать, азбука пантомимы. Простые действия, знакомящие зрителя с моим языком, — сценки «Против ветра», «Вверх по лестнице», «Перетягивание каната» и несколько других. Бип — это гамен с улиц Парижа. Он шагает по жизни, встречается с разными людьми и событиями и, должен признаться, год от года взрослеет.

Да, актер прав. Бип повзрослел с тех пор, как 27 марта 1947 года о нем впервые узнала французская публика, а затем и весь мир. Вместе с Марселем Марсо его персонаж шел нелегкой, но почетной дорогой, дорогой жизни в искусстве. В 1948 году приходит первый большой успех — приз имени гениального французского мима XIX века Дебюро за пантомиму «Смерть перед зарей». Следует ряд успешных гастрольных поездок за границу, принесших Марселю Марсо всемирную известность. Он ставит несколько мимодрам. Большой успех приносит артисту пантомимическая инсценировка гоголевской «Шинели». Роль Башмачкина необычайно близка и понятна Марсо.

— Внутренний дух моих героев — маленьких людей, ведущих трудную борьбу за свое собственное «я», за свое человеческое достоинство, перекликается с этим образом Гоголя. Вообще меня постоянно занимают гоголевские герои, и, вероятно, я вернусь к ним в своем творчестве.

После «Шинели» Марсо поставил большую пантомиму «Париж смеется, Париж плачет». С кинематографической стремительностью проносятся по сцене сук французской столицы. Этот спектакль — уже глубокая и острая социальная драма, рассказанная далеко не беспристрастным художником. Вспоминая об этой постановке, артист подчеркивает ее социальный характер.

— Даже за неоценимую услугу маленький человек не может получить от богача больше, чем чечевичную похлебку. Это суровая реальность, это действительность. И герой пантомимы «Париж смеется, Париж плачет», так же как и Бип, сталкиваясь с этой действительностью, создает символический образ протеста против социальной несправедливости.

Ведь Бип тоже недаром молчит, — улыбается Марсо, — он прекрасно знает, что слова опасны. Поэтому он и ограничивается жестами, ситуациями, взглядами. Он хитрый, этот Гаврош. — Бип. Ему знаком искрящийся юмор Мольера и философская, с гримасой, усмешкой Гоголя, шутка Гольдони и раздумья Шекспира о человеческих судьбах. Я очень люблю его жизнь, люблю его самого. Сейчас он уже умнее и глубже, он повзрослел. Вместе с ним повзрослел и я.

Так всегда в жизни: приходит время, когда достигаешь определенного рубежа и чувствуешь, что надо обернуться и посмотреть на то, что ты оставил позади. Пантомима «Контрасты», которую во время нынешних гастролей видели советские зрители, для меня стала началом второго этапа в моем творчестве. Первый этап был учебной, трудной учебной, когда делаешь очень многое, чтобы осталось совсем немного, но это немного будет тем самым главным, настоящим, с чем предстоит идти дальше.

Я мечтаю о французском национальном театре пантомимы, о серьезной школе пантомимы, которая воспитает хороших артистов, способных сохранить и развить дальше это интереснейшее искусство, не даст завести его в дебри формализма и абсурда.

Я твердо уверен, что на театральной сцене, как и в литературе, у формализма нет будущего. Разрушение образа, отказ от социальной тематики самопроизвольно ведут к разрушению театра.

Человек и его жизнь, его борьба, то прекрасное, что он создает, — вот главное, что, по моему твердому убеждению, лежит в основе настоящего искусства и что отличает его от подделки.

Между прочим, коммерческий успех на Западе является в определенной степени показателем, принимает ли публика то или иное явление в искусстве. Полный крах разного рода бесформистов, леттристов и прочих представителей «новых» видов искусства говорит сам за себя. Ведь люди не дадут себя обмануть, они платят за работанные трудом деньги и просто не ходят туда, где их обманывают.

Наш разговор с Марселем Марсо подходит к концу. Он говорит, что в будущем надеется вновь приехать в нашу страну и познакомить советских зрителей со своей труппой. На прощание Марсо берет листок бумаги, быстро набрасывает на нем свой автопортрет и пишет теплые слова приветствия читателям «Литературной России». Утром он улетает в Данию. Уже распроданы билеты на его концерты в Копенгагене, и ему немного грустно, потому что он расстается с искренними друзьями, полюбившими его замечательное искусство, его Бипа.

Вл. ЗЛАТКИН

Марсель Марсо у себя дома. Этот снимок М. Марсо любезно предоставил для публикации в нашем еженедельнике.